

Apologetics and Criticism of Posthumanism (Review)

Artur A. Dydrov

South Ural State University; Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia.

Email: zenonstoik[at]mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3288-8724>

Received: 30 April 2024 | Revised: 1 May 2024 | Accepted: 11 May 2024

Abstract

Posthumanistic ideas associated with the rejection of anthropocentric discourses and practices and implying (in transhumanism) the technological transition of man and society to a fundamentally new level of existence and organization of life, have a solid history of almost four decades. In Russia, with the exception of top essays such as “A Cyborg Manifesto” by Donna Haraway or “The Transhumanist FAQ” by Nick Bostrom, posthumanist conceptology began to take root intensively since the 10s. 21st century. Then “Cannibal Metaphysics” by Eduardo de Castro and “Being Ecological” by Timothy Morton first appeared on the Russian market. Gradually, the transmission of posthumanist ideas gained more intense momentum. Today, the domestic literary market features transhumanist literature (“Upgrade to Superhumans”), new anthropology, or “postanthropology,” marking the boundaries “beyond man,” representation of indigenous thinking, a series of books about socio-natural phenomena (“Insectopedia,” by Hugh Raffles, “How forests think” by Eduardo Kohn, “Gathering moss” by Robin Kimmerer), as well as new ontologies (Graham Harman, Ian Bogost), revising the classical subject-object picture of the world. Posthumanism can no longer be considered an inconspicuous cultural phenomenon. It is not surprising that sharp critical reactions appeared in the form of monographic studies. The article provides reviews of current Russian posthumanist literature and criticism. Particular attention is paid to the critical agenda, which positions posthumanism as a carrier of apocalyptic strategies for humans. The need for a careful study of the intellectual phenomenon and the search for common grounds for a constructive dialogue between cultures and concepts are argued.

Keywords

Posthumanism; Criticism; Transhumanism; Ecology; Anthropology; Anthropocentrism; Posthuman; Aboriginal; Cyborg; Manifesto

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Апологетика и критика постгуманизма (рецензия)

Дыдров Артур Александрович

Южно-Уральский государственный университет; Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. Email: [zenonstoik\[at\]mail.ru](mailto:zenonstoik[at]mail.ru)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3288-8724>

Рукопись получена: 30 апреля 2024 | Пересмотрена: 1 мая 2024 | Принята: 11 мая 2024

Аннотация

Постгуманистические идеи, связанные с отказом от антропоцентрических дискурсов и практик и предполагающие (в трансгуманизме) технологический переход человека и социума на принципиально новый уровень существования и организации жизни, имеют солидную историю фактически в четыре десятка лет. В России, за исключением топовых эссе типа «Манифеста киборгов» Донны Харауэй или «FAQ по трансгуманизму» Ника Бострома, постгуманистическая концептология стала интенсивно приживаться с 10-х гг. XXI века. Тогда на российском рынке впервые появились «Каннибальские метафизики» Эдуарду де Кастру и «Стать экологичным» Тимоти Мортон. Постепенно трансляция постгуманистических идей набрала более интенсивные обороты. Сегодня на отечественном литературном рынке представлена трансгуманистическая литература («Апгрейд в сверхлюди»), новая антропология, или «постантропология», размечающая границы «по ту сторону человека», репрезентация аборигенного мышления, серия книг о социоприродных феноменах («Инсектопедия» Раффлза, «Как мыслят леса» Кона, «Жизнь в пограничном слое» Киммерер), а также новые онтологемы (Грэм Харман, Иен Богост), пересматривающие классическую субъект-объектную картину мира. Постгуманизм уже нельзя считать малозаметным культурным явлением. Не удивительно, что появились острые критические реакции в форме монографических исследований. В статье даются рецензии на актуальную российскую постгуманистическую литературу и критику. Особое внимание уделено критической повестке, позиционирующей постгуманизм как носителя апокалиптических для человека стратегий. Аргументируется необходимость внимательного изучения интеллектуального феномена и поиска общих оснований для конструктивного диалога культур и концепций.

Ключевые слова

постгуманизм; критика; трансгуманизм; экология; антропология; антропоцентризм; постчеловек; абориген; киборг; манифест

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Интро в «пост»

Вторая половина XX – четверть XXI вв. в дискурсивно-историческом плане характеризуется частотностью употребления префикса «пост», выражающего переходы к иным состояниям и, если вторить ницшеанской диаде, указывающего на гибель предшествующих феноменов. Так, на пафосе новизны и трансформаций, возникли «постмодерн», «постиндустриализм», «постсекулярность», «постправда», «постнеклассическая» наука, «постирония» и т. д. Тренд концептотворчества с применением префикса повлек за собой ряд интеллектуальных культурных традиций типа позитивизма, гуманизма и многих других «измов», формирующих дискурсивный плюрализм. Маловероятно, что к содержанию существующего исследовательского полилога вообще возможно что-либо добавить. Однако трансформации, маркируемые лаконичным и частотным префиксом «пост», оказываются, по-видимому, сильнее, нежели трансляционные и дескриптивные мощности интеллектуалистских дискурсов.

Если с постмодерном или постнеклассической наукой интеллектуалы уже смирились (кто-то даже говорит о смене дисциплинарного «паноптикона» еще более эффективным и, тем самым, объявляет постмодерн актуальной повседневностью с калейдоскопическим бытием без фундамента (Джеффрис, 2023)), то с постгуманизмом консенсус до сих пор не достигли. В частности, это обстоятельство обусловлено относительной свежестью дискурсивного феномена. Постгуманизм, очевидно, младше постмодерна, и последний можно позиционировать в качестве концептуально-контекстуальной рамки первого. Фундаментальное сходство – прибегнем здесь к сомнительной, по оценке Карла Поппера¹, практике – постмодерна и появившегося на его волне постгуманизма в том, что оба размонтируют старые иерархические, вертикальные онтологии и связанные с ними антропологии или, по меньшей мере, создают дискурсивные этюды новой онтологии и, разумеется, иной картины мира.

С 80-х гг. в Европе, США и латиноамериканских странах выходили книги, статьи и эссе, посвященные новому феминизму, гендеризму, трансгуманизму и сингулярности, новой антропологии, постантропологии и т. д. Основание маркировки значительного числа жанрово и содержательно различных трудов в качестве постгуманистических складывается из спектра общих, «энциклопедических» пропозиций: 1. Методологический и эпистемологический поворот. Пересмотр положения человека как основного / единственного субъекта и объекта ряда исследовательских практик (Moore & Moran, 2016). 2. Критическое отношение к антропоцентризму, «выдающемуся положению человечества» (Miah, 2009). Вторая пропозиция позволяет утверждать, что постгуманизм не акцентирован на преодолении человека или, грубее, на «избавлении» мира от человеческого, но ориентирован, собственно, на решение мировых проблем (экологических, конфликтогенных, техногенных и т. д.). 3. В фокусе внимания

постгуманистов не (с)только «апгрейд в сверхлюди» (Мищенко, 2022), хотя он имеет место ввиду популяризации трансгуманизма, но и другие, нечеловеческие формы жизни (этого вопроса мы коснемся в рамках рецензии). Речь, по образному выражению L. Valera, ведется о “fluidization of the differences”, букв. «разжижении различий» (Valera, 2014).

Я не рассматриваю в деталях постгуманистическую проблематику на интегральном / концептуальном уровне, так как это уже сделали европейские, американские, российские и другие исследователи. Меня интересует представленность постгуманистических идей на российском интеллектуальном литературном рынке. Разумеется, вопрос не в количестве книг, а в обстоятельствах и характере встречи постгуманистического мейнстрима и российских интеллектуальных запросов. Предваряя основное содержание рецензии, скажу, что эта встреча не обходится без конфликтов, периодически обостряя проблему определения своеобразия и аутентичности (культурной, национальной, гражданской), «самости» культур и, следовательно, вопросы об охране культурных границ, средствах противодействия и концептах, отвечающих «западным» вызовам. Условность маркировки «западные» при этом скорее отвечает известному стереотипу о направлении угрозы, нежели реальной «геополитике» концептов. Постгуманистика, что признают ее критики, явление, не ограничивающееся европейско-американским интеллектуальным мейнстримом.

Структура рецензии определяется спектром репрезентации постгуманистических идей на российском литературном рынке (первая часть) и критикой постгуманизма (вторая часть). Эти условно выделенные части не равновесны, так как критических изданий еще сравнительно немного. Постгуманистика, напротив, интенсивно издается в последние годы. Разумеется, на Западе издания уже не являются «свежими», но для российского читателя все еще не утратили своей новизны. Постгуманистические идеи, что демонстрируется перечнями литературных новинок, преимущественно популяризируют «Ad Marginem», «Издательство Института Гайдара» и философско-литературный журнал «Логос». В 2017 г. издательство «Ad Marginem» опубликовало популярный «Манифест киборгов» (серия «Minima»). Оригинальная версия статьи / эссе появилась в «Socialist Review» 1985 г. На пафосе делезианской концептологии Д. Харауэй создала фигуру «постгендерного» мира, выходящую за линии напряженности бинарных оппозиций «мужское – женское», «гетеросексуальное – гомосексуальное» и т. д. Можно сказать, что киборг существует на границе между научной фантастикой и свершившимся фактом (Senft, 2020). Неофеминистский пассаж повлиял на интеллектуалов нового поколения, причем с пролонгированным эффектом: в 2016 г., по прошествии 30 лет, Брин Шеффер (Bryn Shaffer) из канадского Университета Св. Марии опубликовала “A Manifesto for the Cyborg Body”. Публикация статьи состоялась в период технологической реализации точечных проектов на Западе (например, глаз-

камера режиссера Роба Спенса (“This Filmmaker Installed a Video Camera Into His Right Eye Socket”, 2017.)). В новом «Манифесте» киборг поэтически дефиницирован метафорой «объятия» тела и машины. Как и у Харауэй, «киборг» в манифесте Шеффер выступает против бинарности гендера и медицинских «ярлыков» отклонений и патологий (Sheffer, б. д.). В отличие от исторически раннего документа, новый не отличается идентифицирующими обобщениями типа «все мы – киборги», однако так же проблематизирует гендерную повестку и критикует расхожие стереотипы: не бывает красоты без боли / «красота требует жертв» и «часики тикают», по оценке канадского манифестанта, суть рыночные заблуждения, превращающие тела в биоразлагаемые вычисляемые субстанции с репродуктивным потенциалом (Sheffer, б. д.). Тела становятся пространством рекламы, задающей стандарты красоты и привлекательности, превращающей тело в объект желания. Революция соединения тела и машины освобождает, по оценке Шеффер, от диктата медиализации, паноптикона рекламы, от подчинения телесным процессам и циклам. Пафос манифеста, как и его исторического предшественника, можно редуцировать к мечте о “self”, самоопределении, социальной независимости и недетерминированности в отношениях любого рода. На это прямо указывает текст: “The cyborg body self-determines gender through shunning bio-coding and bodily function, replacing them with empty space to be filled with performance and identity” (Sheffer, б. д.). Ранний манифест обосновывал тезис о том, что производство «тотализирующей» теории является огромной ошибкой, из-за которой реальность вообще не берется в расчет / теряется из виду. То же касается «лабиринта» дуализмов, бинарных оппозиций, циркулирующих в социокультурном пространстве и, в конечном счете, определяющих пределы мышления (Haraway & Wolfe, 2016).

«Почти как боги»: трансгуманизм по-российски

Киборги, транс-, и пост-, и сверхлюди фигурировали в 90-х гг. на страницах специфической литературы, формирующей т. н. трансгуманистический мейнстрим. Я не буду дискутировать о концептуальном статусе трансгуманизма, так как, во-первых, на эту тему написаны многочисленные труды, во-вторых, это уведет от магистральной линии рецензии. Соглашусь с утверждением, что ядром трансгуманизма является использование «биотрансформирующих технологий» для «улучшения» человеческого организма, цель которого состоит в том, чтобы преодолеть человеческие ограничения (Maaruf, 2022). Классический трансгуманизм, представленный трудами Н. Бострома, М. Мора, Д. Пирса и др., избегал темы встречи и контакта двух миров – до и в результате «апгрейда», обходясь ни к чему не обязывающими суждениями типа общего описания характера критики в адрес трансгуманистов: «беспокойство по поводу социального неравенства, дискриминации или конфликтов между людьми и постлюдьми» (Bostrom, 2006). Иначе говоря, обсуждение

потенциальной угрозы конфликта и способов его разрешения подменялось ссылкой на уровень критики в адрес сторонников технологического апгрейда.

На российском литературном рынке труды классиков трансгуманизма фактически не издавались. Статьи, очерки, эссе и программные работы выпускаются «самиздатом» на сайтах «Российского трансгуманистического движения» (РТД) <https://transhuman.ru> и «России 2045» <http://2045.ru>. Редким исключением стала книга А. В. Мищенко «Апгрейд в сверхлюди: технологическая гиперэволюция человека в XXI веке» (URSS, 2022 г.). Впервые книга вышла в 2019 г. Сродство российского и западного трансгуманизма заключается в постулировании параллелизма эволюционных процессов человека и неантропологических форм жизни. Как и у Г. Моравека (см. текст интервью с М. Дери (2008)), у А. Мищенко под прицелом оказались динозавры, которые – буквально цитирую автора – считали, что «ничего совершеннее ... не будет и быть не может» (Мищенко, 2022, с. 15). Разумеется, они вымерли (видимо, из-за гордыни и нежелания меняться). То же ожидает и человечество. Трансгуманистический дискурс переключается с апокалиптического, но существенно отличается тем, что предлагает выход из эволюционного тупика. Чтобы обосновать свою концепцию (о ней далее), автор дает экскурс в популяризованную композитную эволюционную теорию и менее, чем на трех страницах книги, проделывает путь от «давным-давно на Земле жили кистеперые рыбы» (Мищенко, 2022, с. 17) до «постепенно, язык, сознание и мышление перестали служить лишь задачам выживания» (Мищенко, 2022, с. 19).

Логика изложения сводится к ключевой теме сознания, ради которой фактически и создавалась книга. В ходе общих рассуждений об эволюции автор вбрасывает пропозиции, обосновывающие важнейшие трансгуманистические постулаты: формирующееся сознание позиционирует себя как «самостоятельное, независимое от тела, явление» и далее «эволюция человека – это уже не эволюция Жизни» (Мищенко, 2022, с. 19). Технологически опосредованная автономизация сознания, по оценке Мищенко, встречает скепсис. Сомнения касаются как инструментальных возможностей, так и практической целесообразности отказа от тела. И – снова параллелизм – автор напоминает скептикам, что мобильный телефон лавинообразно распространился за каких-то 20 лет (Мищенко, 2022, с. 23).

Помимо параллелизма трансгуманистический дискурс прибегает для обоснования ожиданий и к ссылкам на прогнозы. В частности, в первой редакции есть ссылка на теряющий актуальность прогноз Блэкфорда¹ (Мищенко, 2022, с. 25). Однако А. Мищенко не хочет реализации перспективы пресловутого восстания машин. Интеграция сознания с инфотехнологиями приведет к возникновению особой мыслящей материи. Эта мыслящая материя – важнейший авторский концепт – будет содержаться на совершенных,

1 По прогнозу (в интерпретации А. В. Мищенко), к 2020 г. компьютер станет «равномощен» мозгу человека, а к 2050 г. «интеллекту всего человечества».

в отличие от жизни, носителях. Из этого суждения мы узнаем, что жизнь (видимо, «биос», но это не уточняется), позиционируется автором в качестве носителя мысли. В этом выражается стремление трансгуманистов найти водоразделы между феноменами (последние, в свою очередь, дифференцируются), онтологические границы, позволяющие доказать, что жизнь и мысль, «биос» и «гнозис» можно отделить друг от друга без ущерба для «важнейшего» из них.

Концепт мыслящей материи прямо связан с убежденностью в несовершенстве природы. Для А. Мищенко и его коллег по трансгуманистическому цеху очевидно, что эволюцию нужно существенно «подправить». Природа, формируя кристаллические решетки, не мыслит, формируя структуру стихийно, путем неоправданно длительных проб и критических ошибок. Замечательно, что методом проб и ошибок возникла на Земле мыслящая аномалия, способная исправить эволюционные погрешности и создать «новый тип организации материи» (Мищенко, 2022, с. 63). Разум уполномочен не только «доделывать» за природой, но и создать новые атомарно-молекулярные структуры, заставить – цитирую – «каждый атом и каждую молекулу вести себя правильно» (Мищенко, 2022, с. 65). Иными словами, трансгуманизм, фундированный концепцией мыслящей материи, управляющего коллективного разума, ратует за тотальный контроль над любыми космическими и планетарными процессами.

По оценке А. В. Мищенко, условием превращения человечества в «мыслящую материю» является рост популярности идеи о переносе сознания на альтернативные носители (данный технологический термин повторяется практически во всех главах книги). Автор полагает, что идея технологического (в концептуалистике И. В. Вишева «практического» (б. д.)) бессмертия еще не завоевала умы и сердца интеллектуальных, экономических и политических элит. Простые граждане также настороженно относятся к зарубежной «диковинке» с необычным наименованием «трансгуманизм». В логике рассуждения странно то, что автор не замечает / игнорирует простое рационально-философское обстоятельство, связанное с актуальными пределами науки и технологии. Ни та, ни другая в данный момент не могут ответить на вопрос о сознании и, следовательно, найти онтоантропологическую, эволюционную и биологическую границы, отделяющие сознание от мозга. Собственно, нет никаких верифицируемых данных о том, есть ли вообще эта граница. По версии А. В. Мищенко, технологическое бессмертие недостижимо в виду непопулярности самой идеи и, по-видимому, социального обскурантизма. Не представляя хоть что-либо об инструментарии и технологии демаркации сознания и тела, Мищенко, тем не менее, берется за прогноз: первые опыты по переселению сознания будут основаны на симуляции тела и – цитирую – «части бессознательного, как необходимой составляющей функционирования сознания» (Мищенко, 2022, с. 115). Метрологический дискурс

автора, как можно видеть, даже бессознательное стремится раздробить на части и представить его как совокупность деталей и сочленений.

В завершении небольшой книги автор дает фрагментарный набросок далекого будущего, в котором восторжествует абсолютный разум, ноо(интел-лекто)сфера сформирует новый, постантропологический предел бытия. В наброске Мищенко сохраняются фигуры «реликтовых» людей (авторская метафора), разумеется, отказавшихся от слияния с мировым разумом (Мищенко, 2022, с. 127). На трех страницах текста воспроизводятся идеи, известные еще благодаря программному «FAQ» Н. Бострома, только вместо концепта «постчеловек» Мищенко использует категорию «абсолютного разума». Из его рассуждений ясно одно – абсолютный разум есть неведомая сила, которая изменит жизнь человека и всей планеты до неузнаваемости. Наступая на привычный уклад жизни и перекраивая природу, абсолютный разум может ориентироваться на компромиссы в отношениях с человеком, а может подчинить остатки рода homo и сохранить пару десятков особей для зоопарков. Подобное развитие событий нам известно, например, благодаря «Сказкам роботов» С. Лема.

Технологическая постгуманистика, или трансгуманизм, функционирует на основе бинарных оппозиций, фиксируя жесткую альтернативу техноапгрейда и перехода к постчеловеческой формации или консервации и последующего исчезновения с лица планеты. То же касается понимания хода исторического процесса – еще один бинаризм: либо человечество шагнет в «царство свободы», либо упадет в бездну хаоса. В первых строках манифеста общественного движения «Эволюция 2045» можно прочесть следующее: «Мы стоим перед выбором: уже к середине текущего столетия свалиться в новые Темные века, в пучину глобальной смуты и деградации – или найти и реализовать новую модель развития цивилизации» («Эволюция 2045» – партия интеллектуального, технологического и духовного прорыва. Манифест., б. д.)

Нецивилизованное мышление

В 2022 г. вышла книга издательства «Ad Marginem» «Разговоры на песке. Как аборигенное мышление может спасти мир». Примечательно, что она была написана австралийским аборигеном Тайсоном Янкапортой из клана Апалеч, а не западным антропологом. Аборигенное население проживает на материке и островах Торресова пролива (Smith, 2007) и является довольно многочисленным. Р. Норрис в статье об австралийском аборигенном населении обозначил известную проблему, сопоставимую с возрастом культурной антропологии: аборигенная культура долгое время казалась примитивной и в определенном смысле кажется таковой сегодня. Антропологи – здесь я фактически цитирую – могут изучать аборигенное население как объект, антропологическую диковину (Norris, 2014). Сохранение автономных аборигенных поселений

(Clarke, 2008) не препятствует межкультурной диффузии, а это, в свою очередь, представляет огромный интерес не только для антропологов, но и, например, для специалистов Cultural Studies. В качестве предмета рецензирования интересна как раз онтология границы, отделяющей аборигенное мышление от условно «цивилизованного». Не менее любопытны и моменты абсорбции аборигенной культурой «западных паттернов». При этом ясно, что не о каком калькировании речи не идет: вступая в контакты с «цивилизацией», аборигенное мышление в принципе не может не испытывать влияния чужой культуры. В постгуманистической оптике особую ценность представляет как раз обратное воздействие, чем и обусловлена часть заглавия «как аборигенное мышление может спасти мир».

Цивилизационная рамка и цивилизаторская ориентация, выраженные пулом тенденций и процессов – технологизацией, военизацией, экспансиями, урбанизацией – катализируют системные и спорадические кризисы. Не будет преувеличением сказать, что цивилизация имеет почти линнеевскую классификацию кризисов и в определенном смысле привыкла к «кризисному» существованию. Аборигенное мышление, по оценке Янкапорты, не дает рецептов кризисного менеджмента. Оно играет куда более «скромную», но не менее значимую роль – переопределяет отношения человека (причем не абстрактного, не человека вообще, а индивида) с миром. Последний также открывается не в абстракции, а в конкретной данности, в потоке чувственно постигаемых явлений и событий. То, что западный человек называет метафоричностью, склонностью к переносам значений и прерогативой мифологического (равно «наивного») мышления, для аборигена, по оценке Янкапорты, есть мышление паттернами. Первый и очевидный паттерн связан со спецификой самоидентификации аборигенного автора. Вначале книги он, как и любой западный спикер, часто употребляет «я», выражая индивидуальную субъектность. Однако уже в первой главе возникает экзотическое сборное местоимение «оба-мы». Ссылка на диалоги со старейшиной, на первый взгляд, ничего не проясняет, так как западной языковой традиции достаточно «мы» для фиксации любой совместности. Янкапорта расширяет ореол совместности и фиксирует этим «оба-мы» диалог с читателем, совместное размышление, тем самым как бы воображая, что читатель может ответить на тот или иной тезис и тем самым активно участвовать в формировании смыслов и распространении паттернов (Янкапорта, 2022). К слову, привычные идентифицирующие маркеры «они», «мы» и т. д. в аборигенной культуре имеют, по выражению Клэйр Големан, расширительное значение (Coleman, 2009) и включают неантропологические феномены.

Каждая глава книги предваряется особым символом (автор вырезает их на дереве или бытовых предметах), консолидирующего традиционные смыслы и ценности аборигенов. Символизм фигур поясняется самим автором. Щит, например, изображается для защиты в путешествиях между осязаемым и

неосязаемым мирами. Он служит для обороны от белого шума цивилизационной машинерии, фонового гула технологий и сопровождающих инновационистских дискурсов (Янкапорта, 2022, с. 121). Его магическая, древняя сила особо актуализируется в технологическом контексте и распространении цифровой среды, под натиском которой аборигенное мышление пытается не сдавать позиции: дешевый мобильник с маленькой памятью, символизирующий для современного западного человека «аскетический уклад», «цифровой минимализм» (Skivko и др., 2020), для аборигена также оказывается аванпостом, хоть как-то сдерживающим цивилизационный натиск (Янкапорта, 2022, с. 120).

Главная онтологема Янкапорты – pattern – в русском нередко используется без перевода. Собственно, слово можно перевести как «модель», «порядок», «образец», «узор» и т. д. Переводчик книги обозначил 7 эквивалентов, указывая на полисемию слова. Так или иначе, «паттерн» зачастую используется в гносеологии, как выражение синтеза коллективных представлений и объективированных схематизаций. Кроме того, термин часто используют в физиологии и биологии. В частности, «паттернами» называют базовые антропологические характеристики, как, например, репродуктивную функцию, устойчивые поведенческие модели (от инстинкта самосохранения до социально детерминированных, типа рукопожатия) (Muehlenbein & Flinn, 2011) и т. д. – или возможность обобщать ретроспективный опыт, схематизировать реалии. В этом смысле, в частности, говорят о паттернах истории (Souza, 2016). Подобрать эквивалент «паттерну» в дискурсе Янкапорты фактически невозможно. В контексте космологических суждений автора паттерн семантически сближается с моделью Вселенной. Вместе с тем эта модель не сводима к знаниям и традициям, «поддерживающим», согласно авторскому высказыванию, эту модель (Янкапорта, 2022, с. 10). Специфика этих поддерживающих знаний в том, что они уклоняются от соблазна нарциссизма, самопрезентации, перформанса, признания собственной исключительности. Отсюда повторяющееся «оба-мы» и критика в адрес текстовых культур (хотя, по иронии судьбы, Янкапорта пользуется английским языком). Цивилизованный способ хранения и передачи информации запутывает все дело дискурсивными хитросплетениями. Наряду со значением базовой онтологемы, «паттерн» используется и в менее значительных контекстах, например, в социальном («паттерны насилия» (Янкапорта, 2022, с. 12)). Разговоры о паттернах, как и написание книги, обусловлено аксиологией устойчивости, ценностью «устойчивых систем» (Янкапорта, 2022, с. 25). По образному выражению Янкапорты, «дьявольская ложь» залегает в убеждении «я больше тебя; ты меньше меня» (Янкапорта, 2022, с. 34) и поведении страуса Эму – противоречивом персонаже австралийской аборигенной мифологии. На собрании животных Эму кричал, что хочет быть главой над всеми, что всех превосходит (Янкапорта, 2022, с. 31). Нарциссизм разбалансирует мир, противоречит паттерну устойчивости, требу-

ющей созвучия, гармонии в отношениях, глубокого уважения к другому и к миру в его многообразии.

Нарциссическое поведение, стимулируемое идеологиями и цифровым технологическим укладом, коррелирует с общепринятой экономической моделью, функционирующей на бинарной оппозиции спроса и предложения. При этом пресловутые S и D не должны сходиться в равновесной точке. У Янкапорты это формулируется аксиоматически: спрос должен отставать от предложения. У вещей на рынке только тогда будет ценность, пока в них кто-либо нуждается. «Должен» в данном случае выражает капиталистический императив. В социальном плане людей необходимо разобщить, стимулируя распространение индивидуалистических практик (Янкапорта, 2022, с. 51). Разумеется, слабость и ограниченность социальных связей на практике прекрасно соотносится с самопрезентацией, популизмом, борьбой за аудиторию и другими неоднозначными вещами.

Переформатирование отношений с другими и природой – комплексная задача, требующая не только понимания устройства мира, но и чувствования многообразия, таинственности и богатства бытия. Тема границы не единожды возникает на страницах «Разговоров на песке». Пожалуй, наиболее остро и вместе с тем художественно-образно проблематика диалога культур выражена метафорой витрины: ты демонстрируешь свои раскраску и перья, фрагменты аутентичной культуры, рассказываешь о связи с землей, а люди смотрят на тебя сквозь витринное стекло музея. Музейная «резервация» аборигена (созданная, естественно, цивилизованными людьми) исключает, что он может разбираться в принципах устойчивого развития.

Экоповестка в ином ракурсе

Книга «Стать экологичным» Тимоти Мортон пережила два издания. Первое вышло в 2019 г., а через три года Ad Marginem воспроизвели труд с новой обложкой. Мортон работает в Университете Уильяма Марша Райса в Хьюстоне. В других работах философ выражал схожие идеи. В частности, в «Экокритике» (“Ecocriticism”, журнал “Versus” (Мортон, 2022с)) Мортон видит сверхзадачу экодискурса не в глубинном воздействии на сознание, а в противостоянии господствующей «качелевидной» нормативности, то возвышающей человека до небес, то, напротив, пренебрегающей им как эволюционной случайностью. «Становление-экологичным» должно осуществляться также во имя всех чувствующих и страдающих существ, не входящих в sapiens. Развитию темы отношений с иными посвящена книга «Род человеческий. Солидарность с нечеловеческим народом» (Мортон, 2022а).

В отличие от Янкапорты, Мортон четко декларирует постгуманистическую идею. Настрой автора, в целом, понятен с первых страниц книги. Автор иронично отмечает, что «продюсерами» экологического труда высту-

пили Грэм Харман и его объектно-ориентированная онтология, акцентирующая внимание на многообразии мира и условности человеческого взгляда. По выражению Адрианы Оспины (Ospina), фундаментальный принцип ООО выражается в признании равнозначности и равноправности человеческого и нечеловеческого, природного и культурного, реального и вымышленного (Ospina, 2019). Как и Янкапорта, с первых страниц Мортон акцентирует внимание на идентификации и номинации. Однако, в отличие от аборигенного автора, «мы» Мортон – это идентификатор коллективной человеческой вины и ответственности. Свои тезисы автор сопровождает экспрессивной конкретизацией: не морские коньки, а люди виновны в глобальном потеплении (Мортон, 2022b, с. 12).

Критика Мортон направлена не столько на антиэкологические действия, освещаемые новостными сводками и сообщениями экоактивистов, сколько на режим информационного перегруза («навала» (Мортон, 2022b, с. 18)). Экологический контент обвиняет и перманентно призывает к действиям. Фактически он резюмируется вопросом: «что же нам делать?» (Мортон, 2022b, с. 25), в котором это «нам», разумеется, не преодолевает границы антропоцентризма.

Если экологическая истерия в принципе не позволяет адекватно смотреть на вещи (с этим легко можно согласиться), то научная беспристрастность, на первый взгляд, совсем иного рода. Однако Мортон «разочаровывает» читателя и здесь, метафорически расшатывая сциентистские идеологемы: удары молотком и фотографирование вещей не есть сами вещи (Мортон, 2022b, с. 34). Переведя в прозу, можно сказать, что научный инструментальный, обслуживающий принцип «объективности», не ликвидирует барьеров и не позволяет «быть-вещью».

Вслед за Розы Брайдогги и другими постгуманистами Мортон пользуется термином «антропоцен», обозначающим новую геологическую эпоху. В темпорально незначительных границах Антропоцена созданные человечеством вещи уже образовали самостоятельный, особый слой. Такие вещи, по знаменитому выражению Мартина Хайдеггера (в частности, философ говорил так в статье «Вопрос о технике») «состоят-в-наличии» (Хайдеггер, 1993), имеют «штрих-коды» для доступа к функционалу. Оригинальность и глубина тезиса Мортон в данном контексте нуждается в детальной проработке, что не позволяет формат рецензии: «надо быть большим хайдеггерианцем, чем сам Хайдеггер» (Мортон, 2022b, с. 48). Ощущение красоты, таинственности, богатства и уникальности вещей невозможно выразить совокупностью прескрипций. Последняя как раз способна нормализовать наше отношение к миру и вместе с этим исказить восприятие вещей. Понимание и принятие красоты и таинства совершенно меняет экологическую оптику: вещи открыты и не подстроены под оптику человека. Человек содержит неопределенное число симбионтов, позволяющих ему быть и оставаться человеком (Мортон, 2022b, с. 54) – не стоит ли один этот факт благодарности в адрес вещей? В мире, не редуци-

руемом к пирамиде с человечеством в качестве вершины, находится место всему, что укладывается и не укладывается в небольшой черепной коробке: «Меня что-то преследует, я зачарован, заколдован, я под властью чар, вещи могут выйти из-под моего контроля» (Мортон, 2022b, с. 117). Изменение ракурса зрения в привычной антропоцентрической модели даст, по выражению Мортонна, любопытную сцепку с постулатами ООО: что, если у вещей тоже есть планы на человека? (Мортон, 2022b, с. 118). Даже занимая в «вещных» отношениях позицию утилитаризма, человек рискует «увязнуть в телепатическом слиянии разумов с тем, что человеку-субъекту видится самой страшной участью, а именно превращением в объект» (Мортон, 2022b, с. 118).

В книге Мортонна читатель не встретит экологических лозунгов или страшных пророчеств на тему конца света, исчерпаемости ресурсов и прочей экоповестки. Парадоксально, но в заключительной главе о краткой истории экологической мысли Мортон ссылается на «Симпсонов», Гегеля, Батая и Ницше. Разумеется, ни один из обозначенных мыслителей не замечен в связях с экологической повесткой. Провозглашение смерти бога (Ницше), констатирующее аннигиляцию идеалов и трансценденции, означает для Мортонна и конец мира. Если ориентиры утрачены, референций и фундаментального не существует, то цепляться за антропоцентризм, полагает автор, было бы слишком самонадеянно (Мортон, 2022b, с. 191).

В заключение Мортон указывает на одно принципиально важнейшее для всей книги обстоятельство: человек был и остается симбиотическим существом, вплетенным в запутанную сеть отношений с миром и его вещами, какими бы малыми и незначительными они ни казались (Мортон, 2022b, с. 192).

Слишком нечеловеческое: природа в оптике постгуманизма

В 2019 г. опубликована «Инсектопедия» Хью Раффлза, годом позже – «Птицы, искусство, жизнь: год наблюдений» Кио Маклир. В 2023 г., наконец, состоялись публикации книг «Как мыслят леса» Эдуардо Кона и «Жизнь в пограничном слое» Робин Киммерер. В настоящее время (апрель 2024 г.) готовится к переизданию труд Джона Берджера «Зачем смотреть на животных?». В рамках настоящей рецензии я ограничусь некоторыми общими замечаниями и выскажу предположение, что различные по своему предмету книги в действительности транслируют схожие генерализующие идеи. Тематически обозначенные исследования находятся в границах социальных исследований биологии (social studies of biology), что категорически не следует путать с т. н. «социобиологией». В книгах Раффлза, Киммерер и других авторов читатель не встретит упоминаний о концепции генно-культурной эволюции или практиках использования животных материалов в медицине. Исследования на стыке social и biology, с одной стороны, прибе-

гают к дескрипции антропологического опыта встречи с иными мирами, длительное время пребывавшими за границами восприятия и аксиологии. С другой стороны, авторы акцентируют внимание, хоть и не пристальное, на научных данных, позволяющих по-новому взглянуть на «известный» феномен.

Постгуманистическая повестка в литературе такого рода не столь очевидна; перед нами не трансгуманистический революционизм, призывающий к техноапгрейду. И тем не менее, идейный шлейф можно увидеть без особых усилий. В первой главе “Air” «Инсектопедии» Раффлза, повествующей о воздушных исследованиях, луизианских самолетах с липкими резервуарами-сачками и ловле тысяч особей, поэтическое резюме призывает распахнуть окно и всмотреться в «глубокий простор воздуха». Окажется, что в небе кишат миллиарды существ, образующие другие миры: «Мы слишком часто проходим через них, ни о чем не подозревая, видим, но остаемся слепы, слышим, но остаемся глухи...» (Раффлз, 2019, с. 17). Книга начинается и заканчивается в духе эконософии Тимоти Мортон, призывом не забывать об иных мирах и максимой «Приучайтесь к несовершенству жизни. Мы все в одной лодке» (Раффлз, 2019, с. 361).

«Год наблюдений» Кио Маклир совмещает поэтические описания природы с острыми социальными пассажами: в частности, речь идет об отношении многих узников к пернатым, символизирующим «самую глубокую жажду освобождения» (Маклир, 2020, с. 222). Наблюдение за птицами служит поводом для напоминаний о нацистской политике и ее жертвах. Образ опускающегося на колени Виктора Франкла, который увидел «ликующую» стаю журавлей, становится центром борьбы за человечность и ее сохранение вопреки ужасающим обстоятельствам. Тюремные письма Розы Люксембург служат поводом к развенчанию стереотипа, «будто любовь к природе – плод привилегированного положения и богатства» (Маклир, 2020, сс. 220–221). У Маклир мы встретим ту же максиму, что и у всех предыдущих авторов: «Встань. Оглянись по сторонам. Не отгораживайся от мира вокруг» (Маклир, 2020, с. 215).

«Как мыслят леса» Эдуардо Кона совершает постгуманистический концептуальный реверс, издали напоминающий кантианский переворот, но, тем не менее, существенно отличающийся от него. Кант «открыл» в субъекте априорную матрицу, определяющую восприятие мира, а Кон (точнее, герои его нарратива) показал, что человек находится в фокусе внимания нечеловеческих существ. Фактически книга открывается описанием беседы с аборигеном кечуа, советовавшим спать на спине: проходящий мимо ягуар должен понять, что на него тоже могут посмотреть в ответ; напротив, расположение на животе может привести к тому, что ягуар решит полакомиться добычей (Кон, 2022, с. 28). Пресуппозиция автора является по определению постгуманистической: осознание того, что видение, репрезентация и,

быть может, знание и мышление свойственны не только людям, способно изменить традиционное человекоцентрическое понимание общества и культуры. Аборигенное мышление, в отличие от мышления цивилизованного человека, создавало причудливые синтезы природ. У кечуа это, например, «руна-пума», буквально «человек-ягуар» (Кон, 2022, с. 29). Обитатели деревни, гостеприимно встретившие антрополога, всегда, согласно их самоидентификации, были «христианами» и вместе с тем «ягуарами» (Кон, 2022, с. 30). Автор благодарит и неоднократно цитирует Эдуарду де Кастру, Донну Харауэй и называет спектр исследований, на которые он ориентируется, «постгуманитарным», указывая на непроработанность темы репрезентации нечеловеческого мира. По замыслу Кона, семиотика Чарльза Пирса (знаки-иконы и индексы) и биология Терренса Дикона (концепт эмерджентности) позволили автору сделать концептуальный прорыв: во-первых, были пересмотрены классические представления о репрезентации, а во-вторых, стереотипические идеи о бинаризме живого – неживого.

В дискурсе Робин Киммерер «переломным» оказывается автобиографическое описание уникальных форм снежинок, рассмотренных сквозь увеличительную линзу (Киммерер, 2023). Научный объективизм, предполагающий дистанцированность субъекта от предмета – как минимум, эмоционально-чувственную дистанцию – не позволяет рассказать полноценную и живую историю феномена, давать окружающим вещам особые имена и включать их в нарративы. Именуя вещь – латынью в соответствии с канонами старой науки или «нежно», не прибегая к традиционным латинским маркерам, – мы исключаем себя из круга или, напротив, включаемся в него. Фактически апеллируя к анекдоту о близорукости Фалеса, Киммерер указывает на антропотехнологический «парадокс»: вооружившись самыми современными телескопами, человечество пытается увидеть то, что пребывает за гранью земного мира, но при этом слепо к предметам на расстоянии вытянутой руки (Киммерер, 2023).

Критика

В России постгуманизм вызывает неоднозначные отклики. Очевидно, что он провоцирует беспокойство в философской и социально-гуманитарной среде, позиционируется в качестве стратегии, захватывающей мышление и преобразующей аксиологические матрицы. Комплексно критическая повестка изложена в монографии Дины Хапаевой «Занимательная смерть. Развлечения эпохи постгуманизма» («НЛО», 2020 г.) и в книге Натальи Ростовской «Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски?» («Проспект», 2022 г.). В статье я сознательно не касаюсь политических взглядов Дины Хапаевой. Книга интересует меня исключительно в постгуманистическом плане. Она открывается концептом «танатопатия». В общем смысле, это совокупность

социокультурных практик и образов, выражающих пристрастие к смерти. Ранее в философии Эриха Фромма фигурировал термин «некрофилия» (Фромм, 2014). Он рассматривался на индивидуальных кейсах и выражал в корне деструктивную ориентацию психики. Неологизм «танатопатия», очевидно, сходным образом маркирует деструктивность постгуманизма.

Постгуманизм фигурирует вкупе с трансгуманизмом в главе «Нечеловеческое будущее». Оба определяются как «тенденции», популяризирующие антигуманизм. Последний, таким образом, превращается в дискурсе Хапаевой в стянувшую на себе все концептуальные истоки результирующую. Я не могу воздержаться от цитирования: «для постгуманистов принципиально важной является идея окончательного исчезновения человеческой цивилизации» (Хапаева, 2020, с. 46). При этом автор дает ссылку на Вернора Винджа и его популяризаторскую работу о технологической сингулярности. По-видимому, ссылки на писателя-фантаста достаточно для понимания концептуальных тонкостей постгуманистики. Остальная и большая часть книги посвящена теме коммерциализации смерти от похоронных ритуалов и Хэллоуина до «Гарри Поттера», пронизанного «квазисредневековой эстетикой, колдовством и готической образностью» (Хапаева, 2020, с. 160).

В отличие от книги Дины Хапаевой, труд Натальи Ростовской рассчитан на читателя, знакомого с философией. Перечень имен составляют Розы Брайдогги, Ник Бостром, Франческа Феррандо, Донна Харауэй, Тимоти Мортон, Эдуарду де Кастру и некоторые другие. Отдельная глава книги, ориентированная на разграничение смыслов, посвящена понятиям транс- и постгуманизма. Антропоцентризм и технооптимизм трансгуманистов позиционируется автором как «поверхностное» различие (Ростова, 2022, с. 18). По мнению Натальи Ростовской, постгуманизм провозглашает «конец эпохи человеческой исключительности и начало нового мира и, прежде всего, нового мышления» (Ростова, 2022, с. 18). Авторский вывод лаконичен: постгуманизм «нивелирует саму идею человека» (Ростова, 2022, с. 18) и в этом плане идентичен трансгуманизму, признаваемому в качестве частного случая (стратегии) постгуманизма. В интервью Наталья Ростова сказала, что постгуманизм предполагает стирание границ между человеческим и нечеловеческим. Задача ее книги заключалась в аналитике постгуманизма и определении сочетаемости русских социальных и культурных ценностей с западным интеллектуальным мейнстримом.

Кодифицируя ценности, Ростова утверждает, что «русская культура чужда идеям гуманизма», но впадала в «соблазн» (Ростова, 2022, с. 27). Философское фундирование тезиса осуществляется с помощью антипрогрессистской установки Семена Франка и социально-аксиологической критики Николая Бердяева (Ростова, 2022, с. 27–28). Ростова разделяет мнение, что гуманизм «лжив», потому что исходит из идеи «самодостаточности» человека (Ростова, 2022, с. 28). Николай Бердяев и Сергей Булгаков противопоставляют гуманизму идею самоограничения / самоконтроля человека,веряющего себя высшему

идеалу жизни – литургии, соборности, божественной мере, богоцентризму (Ростова, 2022, с. 30–31). Постгуманизм предполагает «тотальную демократию» (Ростова, 2022, с. 31), создает сети и горизонтальные связи. В противовес западной сетевой модели автор предлагает онтологу Николаю Бердяеву об иерархичности жизни и неравенстве людей (Ростова, 2022, с. 31). Во время презентации книги Наталья Ростова скажет, что речь идет вовсе не об экономическом неравенстве, не оно закладывается в концепт иерархии жизни. В таком случае, что за постгуманистическое «равенство» имеется в виду?

Как и Дина Хапаева, Наталья Ростова анализирует культурные тренды, определяя «защитный» в репрезентациях и культурных кодах постгуманизм. Искусство оказывается мощной экспериментальной площадкой, человечество дает ему карт-бланш и позволяет самовыражаться. В пределе это обстоятельство приводит к ультралиберальной установке «все можно». Во время доклада Наталья Ростова сказала, что наше современное искусство учится на постгуманизме и хочет войти в международное сообщество, тем самым ступая на ложный путь. В заключение, что ставит эту монографию как академическое научное издание под вопрос, Наталья Ростова допускает неприкрытую агрессию в адрес постгуманистических идей (возможно интерпретировать эти слова и как призыв): «Постгуманистической литературе, засорившей академические и приближенные к ним умы, должна быть уготована та же судьба, что и “макдональдсам”. Ей пора на родину» (Ростова, 2022, с. 173). Лозунги существенно снижают академическую ценность книги, но не нивелируют ценности философских суждений. Издание дает повод к плодотворной дискуссии, тщательной проработке концептуальных аппаратов и тезисов – как постгуманистических, так и критических.

Выводы

Постгуманизм представлен широким спектром идей и концептов, от трансгуманизма и техноапгрейда до экологизма и репрезентации аборигенного мышления. Несмотря на то, что в России функционируют общественные организации «Россия 2045» и «Российское трансгуманистическое движение», популярной нон-фикшн литературы по теме в последние годы совсем не много: в 2019 г. выходила книга «Футурология. XXI век. Бессмертие или глобальная катастрофа?» Алексея Турчина и Михаила Батина и первое издание «Апгрейд в сверхлюди» Алеся Мищенко. Публикации преимущественно реализуются на электронных площадках. Как правило, это эссе, манифесты и небольшие статьи. В отличие от трансгуманизма, идеи т. н. новой антропологии и объектно-ориентированной онтологии интенсивно проникают в литературную среду и становятся доступными для читателей. Можно вспомнить и переиздание книги Грэма Хармана, и книгу Йена Богоста, и все упомянутые в рецензии труды.

Критическая мысль на данный момент представлена немногочисленными изданиями и, прежде всего, журнальными статьями. Однако даже разовые критические акции доказывают, что постгуманизм стал заметным явлением в российской культуре. В данной статье я формулирую простую мысль о том, что постгуманизм не однороден. Он является интегральным, сложносоставным концептуальным образованием, что подчеркивают и критики. При этом практикуемые интеллектуалами обобщения могут сыграть неоднозначную роль: с одной стороны, они прямо ведут к сборке и концептуализации эмпирики, а с другой, просеивают немаловажные смысловые тонкости.

Завершая работу над рецензией, я перечитывал книгу «Род человеческий. Солидарность с нечеловеческим народом» Тимоти Мортон. Наталья Ростова не цитирует это издание, а между тем, в этой книге содержатся утверждения, позволяющие начать конструктивную дискуссию об установках постгуманизма: «Мы не пытаемся быть сродными» (Мортон, 2022а, с. 278). И далее Мортон выделяет тезис курсивом: *«Антропоцентризм прямо противостоит интересам человеческого рода»* (Мортон, 2022а, с. 298). Дело, по оценке Мортон, в том, что человеческий род «химически запутан», то есть переплетен с иными формами жизни: «Идеология “мира без нас”, радикальная версия фантазии о последнем человеке, в которой последний человек выступает зрителем нарратива, – это садистская фантазия» (Мортон, 2022а, с. 299).

Неужели «Стать экологичным», «Инсектопедия», «Как мыслят леса», «Как аборигенное мышление может спасти мир» и другие издания призывают к «отмене» человека или отказываются от уникальности человеческого рода? Или их посыл должен / может быть понят иначе? Я полагаю, что задача интеллектуальных сообществ не сводится к изгнанию той или иной идеи за пределы страны. Следует внимательно изучить мысль, понять весь комплекс причин ее популярности и, возможно, начать с ней диалог с целью обогатить идею и культуру.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Список литературы

- Bostrom, N. (2006). *Why I Want to be a Posthuman When I Grow Up*.
- Clarke, B. R. (2008). *Linear Models: The Theory and Application of Analysis of Variance* (1st ed.). Wiley. <https://doi.org/10.1002/9780470377994>
- Coleman, G. (2020, April 9). *Aboriginal Feminism and Gender* | NGV. NGV. <https://www.ngv.vic.gov.au/essay/aboriginal-feminism-and-gender/>
- Haraway, D. J., & Wolfe, C. (2016). *Manifestly Haraway*. University of Minnesota Press. <https://doi.org/10.5749/minnesota/9780816650477.001.0001>
- Maaruf, A. (2022). Transhumanism. *2nd International Conference on Intelligence-Based Transformations of Technology and Business Trends (ICITTBT)*, 15–18.
- Miah, A. (2009). A Critical History of Posthumanism. In B. Gordijn & R. Chadwick (Eds.), *Medical Enhancement and Posthumanity* (Vol. 2, pp. 71–94). Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-8852-0_6
- Moore, L. J., & Moran, K. (2016). Posthumanism. In G. Ritzer (Ed.), *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* (1st ed., pp. 1–4). Wiley. <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosp063.pub2>
- Muehlenbein, M. P., & Flinn, M. V. (2011). Patterns and processes of human life history evolution. In T. Flatt & A. Heyland (Eds.), *Mechanisms of Life History Evolution* (pp. 153–168). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199568765.003.0012>
- Norris, R. P. (2014). *The Australian Aboriginal People: How to Misunderstand Their Science*. arXiv. <https://doi.org/10.48550/ARXIV.1405.7108>
- Ospina, A. (2019). *Object-oriented Ontology A New Theory of Everything by Graham Harman, and Art Confusions*. https://www.researchgate.net/publication/356538318_Object-oriented_Ontology_A_New_Theory_of_Everything_by_Graham_Harman_and_Art_Confusions
- Senft, T. M. (2020). *Reading Notes for Donna Haraway's Cyborg Manifesto*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.28370.99521>
- Shaffer, B. (2016). *A Manifesto for the Cyborg Body*. https://www.researchgate.net/publication/333176150_A_Manifesto_for_the_Cyborg_Body
- Silverberg, D. (2017, June 13). This Filmmaker Installed a Video Camera Into His Right Eye Socket. *Vice*. <https://www.vice.com/en/article/9k5de7/rob-spence-eyeborg-video-camera-eye-socket-toronto-filmmaker>
- Skivko, M., Korneeva, E., & Kolmykova, M. (2020). Digital Minimalism as a Leading Limitation of Media Communications in the Heyday of Digital Culture. *Proceedings of the 6th International Conference on Social, Economic, and Academic Leadership (ICSEAL-6-2019)*. 6th International Conference on Social, economic, and academic leadership (ICSEAL-6-2019), Prague, Czech Republic. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.200526.010>
- Smith, C. (2007). An Introduction to Indigenous Australia. In *Digging It Up Down Under* (pp. 23–57). Springer New York. https://doi.org/10.1007/978-0-387-35263-3_2
- Souza, T. (2016). Finding Patterns in History. *The Goan Everyday*. https://www.researchgate.net/publication/299032389_Finding_Patterns_in_History

- Valera, L. (2014). Posthumanism: Beyond humanism? *Cuadernos de Bioetica: Revista Oficial de La Asociacion Espanola de Bioetica y Etica Medica*, 25(85), 481–491.
- Вишев, И. В. (2019). Проблема достижения практического бессмертия и возможности реального воскрешения человека. *Школа Науки*, 3(4), 18–21.
- Дери, М. (2008). *Скорость убегания: Киберкультура на рубеже веков*. АСТ.
- Джеффрис, С. (2023). *Все, всегда, везде. Как мы стали постмодернистами*. Ад Маргинем.
- Киммерер, Р. (2023). *Жизнь в пограничном слое. Естественная и культурная история мхов*. Ад Маргинем.
- Кон, Э. (2022). *Как мыслят леса: К антропологии по ту сторону человека*. Ад Маргинем.
- Маклир, К. (2020). *Птицы, искусство, жизнь: Год наблюдений*. Ад Маргинем.
- Мищенко, А. В. (2022). *Ангрейд в сверхлюди: Технологическая гиперэволюция человека в XXI веке*. URSS.
- Мортон, Т. (2022a). *Род человеческий. Солидарность с нечеловеческим народом*. Издательство Института Гайдара.
- Мортон, Т. (2022b). *Стать экологичным*. Ад Маргинем.
- Мортон, Т. (2023). Экокритика. *Versus*, 2(4), 34–61. <https://doi.org/10.58186/2782-3660-2022-2-4-34-61>
- Раффлз, Х. (2019). *Инсектопедия*. Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж».
- Ростова, Н. Н. (2022). *Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски?* Проспект.
- Фромм, Э. (2014). *Душа человека*. Litres.
- Хайдеггер, М. (1993). Вопрос о технике. В *Время и бытие* (с. 221–253). Республика.
- Хапаева, Д. Р. (2020). *Занимательная смерть. Развлечения эпохи постгуманизма*. Новое литературное обозрение.
- «Эволюция 2045» – партия интеллектуального, технологического и духовного прорыва. Манифест. (б. д.). <http://evolution.2045.ru/>
- Янкапорта, Т. (2022). *Разговоры на песке. Как аборигенное мышление может спасти мир*. Ад Маргинем.

References

- «Evolyutsiya 2045» – partiya intellektual'nogo, tekhnologicheskogo i dukhovnogo proryva. Manifest. (n. d.). <http://evolution.2045.ru/> (In Russian).
- Bostrom, N. (2006). *Why I Want to be a Posthuman When I Grow Up*.
- Clarke, B. R. (2008). *Linear Models: The Theory and Application of Analysis of Variance* (1st ed.). Wiley. <https://doi.org/10.1002/9780470377994>
- Cohn, E. (2022). *Kak myslyat lesa: K antropologii po tu storonu cheloveka*. Ad Marginem. (In Russian).
- Coleman, G. (2020, April 9). *Aboriginal Feminism and Gender* | NGV. NGV. <https://www.ngv.vic.gov.au/essay/aboriginal-feminism-and-gender/>

- Deri, M. (2008). *Skorost' ubeganiya: Kiberkul'tura na rubezhe vekov*. AST. (In Russian).
- Fromm, E. (2014). *Dusha cheloveka*. Litres. (In Russian).
- Haraway, D. J., & Wolfe, C. (2016). *Manifestly Haraway*. University of Minnesota Press.
<https://doi.org/10.5749/minnesota/9780816650477.001.0001>
- Heidegger, M. (1993). Question about technology. In *Time and Being* (pp. 221–253). Respublika. (In Russian).
- Jeffreys, S. (2023). *Vse, vseгда, vezde. Kak my stali postmodernistami*. Ad Marginem. (In Russian).
- Khapaeva, D. R. (2020). *Zanimatel'naya smert'. Razvlecheniya epokhi postgumanizma*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Kimmerer, R. (2023). *Zhizn' v pogranichnom sloe. Estestvennaya i kul'turnaya istoriya mkhov*. Ad Marginem. (In Russian).
- Maaruf, A. (2022). Transhumanism. *2nd International Conference on Intelligence-Based Transformations of Technology and Business Trends (ICITBT)*, 15–18.
- McLear, K. (2020). *Ptitsy, iskusstvo, zhizn': God nablyudeniya*. Ad Marginem. (In Russian).
- Miah, A. (2009). A Critical History of Posthumanism. In B. Gordijn & R. Chadwick (Eds.), *Medical Enhancement and Posthumanity* (Vol. 2, pp. 71–94). Springer Netherlands.
https://doi.org/10.1007/978-1-4020-8852-0_6
- Mishchenko, A. V. (2022). *Apgreyd v sverkhlyudi: Tekhnologicheskaya giperevolyuetsiya cheloveka v XXI veke*. URSS. (In Russian).
- Moore, L. J., & Moran, K. (2016). Posthumanism. In G. Ritzer (Ed.), *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* (1st ed., pp. 1–4). Wiley. <https://doi.org/10.1002/9781405165518.wbeosp063.pub2>
- Morton, T. (2022a). *Rod chelovecheskiy. Solidarnost' s nechelovecheskim narodom*. Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (In Russian).
- Morton, T. (2022b). *Stat' ekologichnym*. Ad Marginem. (In Russian).
- Morton, T. (2023). Ecocriticism. *Versus*, 2(4), 34–61. <https://doi.org/10.58186/2782-3660-2022-2-4-34-61> (In Russian).
- Muehlenbein, M. P., & Flinn, M. V. (2011). Patterns and processes of human life history evolution. In T. Flatt & A. Heyland (Eds.), *Mechanisms of Life History Evolution* (pp. 153–168). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199568765.003.0012>
- Norris, R. P. (2014). *The Australian Aboriginal People: How to Misunderstand Their Science*. arXiv. <https://doi.org/10.48550/ARXIV.1405.7108>
- Ospina, A. (2019). *Object-oriented Ontology A New Theory of Everything by Graham Harman, and Art Confusions*. https://www.researchgate.net/publication/356538318_Object-oriented_Ontology_A_New_Theory_of_Everything_by_Graham_Harman_and_Art_Confusions
- Raffles, H. (2019). *Insektopediya*. Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh». (In Russian).
- Rostova, N. N. (2022). *Myagkaya sila postgumanizma. Chto nam meshaet myslit' po-russki?* Prospekt.
- Senft, T. M. (2020). *Reading Notes for Donna Haraway's Cyborg Manifesto*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.28370.99521>

- Shaffer, B. (2016). *A Manifesto for the Cyborg Body*.
https://www.researchgate.net/publication/333176150_A_Manifesto_for_the_Cyborg_Body
- Silverberg, D. (2017, June 13). This Filmmaker Installed a Video Camera Into His Right Eye Socket. *Vice*.
<https://www.vice.com/en/article/9k5de7/rob-spence-eyeborg-video-camera-eye-socket-toronto-filmmaker>
- Skivko, M., Korneeva, E., & Kolmykova, M. (2020). Digital Minimalism as a Leading Limitation of Media Communications in the Heyday of Digital Culture. *Proceedings of the 6th International Conference on Social, Economic, and Academic Leadership (ICSEAL-6-2019)*. 6th International Conference on Social, economic, and academic leadership (ICSEAL-6-2019), Prague, Czech Republic.
<https://doi.org/10.2991/assehr.k.200526.010>
- Smith, C. (2007). An Introduction to Indigenous Australia. In *Digging It Up Down Under* (pp. 23–57). Springer New York. https://doi.org/10.1007/978-0-387-35263-3_2
- Souza, T. (2016). Finding Patterns in History. *The Goan Everyday*.
https://www.researchgate.net/publication/299032389_Finding_Patterns_in_History
- Valera, L. (2014). Posthumanism: Beyond humanism? *Cuadernos de Bioetica: Revista Oficial de La Asociacion Espanola de Bioetica y Etica Medica*, 25(85), 481–491.
- Vishev, I. V. (2019). Problema dostizheniya prakticheskogo bessmertiya i vozmozhnosti real'nogo voskresheniya cheloveka. *Shkola Nauki*, 3(4), 18–21. (In Russian).
- Yankaporta, T. (2022). *Razgovory na peske. Kak aborigennoe myshlenie mozhet spasti mir*. Ad Marginem. (In Russian).